

«Я НА НИЗОСТЬ НЕ СПОСОБНА...»

«Я понимаю теперь, что мой арест был давно предрешен, так как последние два года, начиная с 1945, когда я приходила во французскую церковь, то меня ежедневно встречали двое мужчин, которые расхаживали по двору и ко мне обращались со следующими словами: "Мы скоро закроем твою церковь, а тебя арестуем"»¹.

Эти строки из заявления Алисы Бенедиктовны Отт, находящейся в это время в каторжном Дубравлаге, очень точно характеризовали атмосферу вокруг католического собора Св. Людовика при французском посольстве в Москве, в которой она с дочерью Алисой жила последние два года перед арестом.

Повышенный интерес органов НКВД к приходу Св. Людовика был не случаен, причем, после войны он проявлялся открыто и часто даже в демонстративной форме. Об этом подробно Алиса Бенедиктовна, будучи заведующей храмом и возглавлявшая тогда приходскую общину, говорила подробно на допросе:

«Я наблюдала, что нашу церковь часто посещали агенты НКВД. Они проходили в середину церкви, выбирали скамьи возле прохода, садились и вели наблюдение за интересующими их лицами».

На возражение следователя, что этого не было, да и чем она могла бы подтвердить свои слова, А. Б. Отт объясняла, что эти люди не могли быть верующими:

«Агенты часто поворачивали головы по сторонам, иногда сидели на скамье, закинув нога за ногу, и разговаривали, и делали это часто в те моменты, когда нужно было стоять на коленях, — этим самым выдавая себя».

Она подчеркнула, что *«особенно хорошо это наблюдалось сверху, где был хор, и где мы с дочерью пели»*, заявив также, что о слежке в храме знали все прихожане, и ей не надо было сообщать об этом приходским священникам — отцу Леопольду Брауну, а позднее отцу Антонио Лабержу, так как они *«сами это наблюдали и знали»*.

Кроме открытого наблюдения за верующими в самом храме, к священникам и мадам Отт были приставлены также "свои" люди как в посольстве, так и дома, в качестве домашней прислуги и "учителей". Все они в свое время будут также отправлены в лагеря по обвинению «в шпионаже», но пока они исправно докладывали обо всем происходящем в органы, а позднее стали неопределимыми "свидетелями" против мадам Отт и ее дочери. Один из них на допросе показал:

«С епископом НЭВЕ, который являлся настоятелем французского храма в Москве, я познакомился примерно в 1932-33 году по заданию органов НКВД СССР... Через епископа НЭВЕ установил также связь с ксендзом французского храма в Москве Леопольдом БРАУНОМ... С епископом НЭВЕ и ксендзом БРАУНОМ я имел доверительные отношения² благодаря своему знанию католицизма и, вообще, христианской догматики»;

«После выдворения НЭВЕ из СССР, я по указанию органов НКВД с письмом от БРАУНА ездил в Ленинград к ксендзу католического храма ФРОЛАНУ... Я по поручению БРАУНА получал от него католическую литературу и распространял ее среди католиков, а на самом деле я доставлял ее в органы НКВД, БРАУНУ же говорил, что раздавал среди приверженцев католицизма».

¹ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело А. Д. Отт // Центральный Архив ФСБ РФ

² Подчеркнуто следствием. — Прим. сост.

Именно этот человек, уже осужденный в то время и привезенный в Москву в 1948 году из Карагандинского лагеря, где он отбывал наказание, стал основным свидетелем обвинения в "антисоветской деятельности" матери и дочери ОТТ. Биография этого человека весьма показательна, и для понимания его роли в судьбе Алисы Бенедиктовны необходимо коротко ее изложить.

В 1916-1917 годах он состоял в партии кадетов, а в период 1922-1930 годов входил в «руководящий церковно-политический центр» вскрытой органами НКВД «контрреволюционной организации "Истинное православие"». Арестованный по групповому делу этой организации в 1930 году, вину свою признал, но осужден не был, а стал активным секретным сотрудником органов ОГПУ. В начале тридцатых годов, по его словам, по заданию органов, он перешел из православия в католицизм и начал активно посещать католический собор Св. Людовика при французском посольстве. Позднее на допросе он подробно покажет о своей "работе" в соборе:

«О том, что мне приходилось слышать от НЭВЕ и БРАУНА, я своевременно в письменной форме информировал органы... От органов НКВД я имел задание давать также информацию и в отношении ОТТ Алисы Бенедиктовны, которая, по данным НКВД, якобы являлась агентом НЭВЕ и БРАУНА по сбору шпионских сведений».

В 1945 году этот мнимый католик вдруг арестовывается, в постановлении на арест говорится, что он «занимался провокационной деятельностью, представляя в органы НКВД сведения, не соответствующие действительности, и, в частности, в последнее время он предоставил ряд сообщений о существовании ряда лиц из представителей интеллигенции, якобы, занимающихся подготовкой свержения существующего строя путем совершения террористических актов против руководства Советского государства». С десятилетним сроком наказания его отправили в Карагандинский лагерь, но уже через два года его услуги опять понадобились.

Два года его не было в Москве, но следствие это не смущает. Он ярко фантазирует, когда речь идет о священниках католического собора:

«В своей разведывательной шпионской работе епископ НЭВЕ проявлял максимальную осторожность. Так, например, приезжая ко мне на квартиру, он тщательно простукивал стены комнат, желая определить — не установлен ли там микрофон. Кроме того, он настойчиво просил меня тщательно закрывать телефон с тем, чтобы наши беседы были сузубо конспиративны... БРАУН говорил мне, что у них получены сведения, что работа Коминтерна продолжается в конспиративном виде... В 1944 году БРАУН настойчиво хотел узнать — можно ли поднять народные массы Советского Союза на новую войну».

Такие же "яркие" показания он дает и относительно Алисы Бенедиктовны, к ней, как и любой прихожанин, он мог обращаться, как к бессменной заведующей католическим собором:

«Мои отношения с ОТТ были весьма сердечны и дружественны... Позже наши взаимоотношения стали приобретать романтический характер; она приглашала меня бывать чаще в церкви, справлялась о моем здоровье, устраивала мои свидания с БРАУНОМ вне очереди».

Алиса Бенедиктовна свои "взаимоотношения" с этим человеком описала совсем по-другому:

«Я с ним никогда знакома не была, не знала до очной ставки ни его фамилии, ни его адреса.

Священники французской церкви звали его "Господин профессор". Человек был отталкивающий, липкий, заискивающий. Ко

мне подходил, как к заведующей, когда спешил, чтобы я просила священника его принять без очереди».

Его показания, как уже было сказано, стали основанием для "Обвинительного заключения" как против Алисы Бенедиктовны, так и против ее дочери:

«Леопольд БРАУН говорил мне, что ОТТ привлечена им к конспиративной работе, и он дает ей ряд поручений по сбору шпионских сведений... ОТТ и БРАУН бравировали своей осведомленностью о Сов<етском> Союзе и утверждали, что на Западе нашу жизнь знают лучше, чем мы сами, так как она дает самый исчерпывающий материал о Сов<етском> Союзе... В 1939 году БРАУН сообщил мне, что по его инициативе ОТТ Алиса Бенедиктовна приготовила обращение к Ватикану по поводу, якобы, гонения на Католическую и Православную Церковь в СССР. Причем, это обращение было подписано не только самой ОТТ, но и рядом других католичек, привлеченных ею к этому делу. Это обращение, как говорил мне БРАУН, было переслано в Ватикан через французское посольство... ОТТ была осведомлена о всей шпионской работе, проводимой БРАУНОМ. Так, в частности, ей было известно о том задании, которое он дал мне зимой 1944 года по сбору сведений о планах Советского Союза относительно большевизации Запады. В связи с тем, что я не смог своевременно собрать интересующие БРАУНА сведения и за это время не был в церкви, то ОТТ, по поручению БРАУНА, приезжала ко мне на квартиру³ и просила об ускорении выполнения полученного мною задания, подчеркнула важность этого задания... <результаты которого> ожидают посол и ряд государственных деятелей

Отт я знаю, как озлобленного человека. Она предпочитала германский порядок Советскому правительству, о чем несколько раз говорила мне лично».

Другие свидетельницы показывали на допросах об антисоветской агитации семьи ОТТ, о преклонении перед всем иностранным, презрении к советскому народу — в общем, подписывали все, что требовалось следствию. Все они в то время были арестованы, допрашивались по своим делам, все обвинялись в шпионской деятельности, так как были связаны с иностранцами, все получили разные сроки наказания и отправлены в лагеря, где и встретились потом с А. Б. Отт. Позднее, в процессе реабилитации, они откажутся от своих обвинений, объяснив их давлением следствия.

Но, очевидно, именно эта клевета повлияла на психику верной католички Алисы Альбертовны ОТТ, дочери А. Б. В июле 1948 года следствие по делу ОТТ Алисы Альбертовны было *приостановлено «в виду странного поведения ее на допросах»*, и обвиняемая была направлена на психиатрическую экспертизу, в результате было получено заключение: принудительное лечение с изоляцией в Казанской психиатрической больнице МВД СССР.

Алиса Бенедиктовна ничего этого не знала, и на ее тревоге о дочери следствие постоянно играет, продолжая добиваться ее самообличительных показаний. Сейчас понятно, что в судьбе семьи ОТТ показания всех свидетелей не играли решающей роли. Независимо от их показаний и мать,

³ Заметим, что именно в это время мадам Отт лежала со сломанной ногой. — Прим. автора.

и дочь были бы арестованы и осуждены; чтобы понять их главную вину перед "органами", надо рассказать кратко жизнь Алисы Бенедиктовны Отт.

Ее родители были французскими подданными, но жили в Москве, так как отец, ЛАПЬЕР Бенедикт Иванович работал представителем французского акционерного общества в России. Алиса Бенедиктовна родилась в Москве, а когда ей исполнилось восемь лет, была отправлена на воспитание в монастырь. Получив там высшее образование, она вернулась к родителям в Москву; в 1907 году вышла замуж за Альберта Альбертовича Отта, эльзасца по происхождению, но русского подданного, и по действовавшим тогда законам механически становилась также русской подданной. Муж служил профессором в МВТУ, а она воспитывала дочь и вела домашнее хозяйство. В 1917 году при Керенском родители вернулись во Францию, а семья Отт осталась в России.

С 1920 года Алиса Бенедиктовна стала работать заведующей католическим собором Св. Людовика при французском посольстве. Во время гражданской войны французское посольство оставило Москву, но через польское посольство продолжало оказывать помощь французам в Москве, передавая деньги и продукты. К этой работе была привлечена Алиса Бенедиктовна, как француженка и заведующая католическим собором.

В 1926 году французское посольство вернулось в Москву, и Алиса Бенедиктовна стала работать в консульском отделе. Кроме своих основных обязанностей, она, по просьбе французского посла, составила и стала вести картотеку на французов, проживающих в СССР, постоянно дополняя и внося изменения, позднее при обыске она была изъята и стала серьезным "вещественным доказательством" ее вины в шпионаже. Многие допросы были посвящены этой картотеке, следствие интересовало все: откуда она оказалась у нее, кем составлена, кто дал новые данные об умерших в лагерях. Алиса Бенедиктовна на все вопросы отвечала однообразно — не знаю, не помню. Одной этой картотеки было достаточно, чтобы обвинить ее в сборе "клеветнических сведений" о советских лагерях для передачи их французскому правительству. Но это была еще не вся ее вина.

В 1930 году, во время процесса "Промпартии", на котором были "вскрыты" связи обвиняемых с французским посольством, последнее серьезно опасалось разрыва дипломатических отношений и высылки сотрудников из СССР. В связи с этим французского посла Эрбетта очень волновала судьба советских граждан, работавших в посольстве, в частности, судьба семьи Отт. Ходатайство Эрбетта перед правительством Франции о возвращении им французского подданства, а также отправке семьи ОТТ в Париж, где о ней было сказано, как о «женщине, оказавшей большие услуги Франции, которой угрожает арест», — стало ее второй серьезной виной. Ведь следствие вкладывало в слова "большие услуги" не ее объяснения о своей работе в католическом соборе, а совсем иной смысл, подтверждающий его версию — о *«сборе и передаче шпионских сведений»*.

Летом 1941 года, когда французское посольство покинуло Москву, дочь Алисы Бенедиктовны была арестована и заключена в тюрьму. В ее освобождении принял деятельное участие священник католического собора отец Леопольд Браун, обратившись в другие посольства. Благодаря этой помощи Алиса Альбертовна была освобождена осенью 1941 года, но следствие эту помощь объяснило только одним — *«благодарностью за преданную работу в пользу Ватикана»*. "Преступная связь с БРАУНОМ" — третья вина мадам Отт, а его визитная карточка, изъятая при обыске, стала еще одним "вещественным доказательством".

В 1945 году в посольстве Франции от имени генерала Де-Голля Алиса Бенедиктовна за «25-летнюю работу во французской церкви» была награждена

орденом "французской благодарности". Свидетельство о вручении этой награды, подписанное генералом Де-Голлем, изъятое при обыске, также стало доказательством ее «шпионской деятельности в пользу Франции». И последняя ее вина, которая явилась непосредственной причиной ареста, — ее желание уехать к родным в Париж. Как только осенью 1947 года она была внесена в списки французов, желающих вернуть свое подданство, чтобы выехать из СССР, она с дочерью была арестована. Отметим, что многие французы, пытавшиеся вернуться домой, были в период 1947-1948 годов арестованы и отправлены в лагеря «за измену родине».

Обвинения в шпионской деятельности Алиса Бенедиктовна так и не подписала, несмотря на угрозы, оскорбления и страх за судьбу дочери. Позднее она напишет одном из заявлений: «Я не могла фальшивым признанием быть причиной ареста и несчастья сотни людей, которых я встречала за столько лет работы в церкви и во французском посольстве». Ей повезло только в одном — в стране после войны была отменена на некоторое время смертная казнь, поэтому ее, несмотря на грозные обвинения, не расстреляли. 28 августа 1948 года 62-летняя женщина-инвалид была приговорена постановлением Особого Совещания НКВД к пятнадцати годам ИТЛ и, хотя следствие настаивало на ее отправке в особые, каторжные лагеря, она, как инвалид, должна была быть направленной в общий лагерь. Но отправили ее все-таки в Дубравлаг (особый лагерь №), и только здесь она узнала о трагической судьбе своей дочери.

Французское посольство постоянно, начиная с 1950 года, запрашивало МИД о судьбе Алисы Бенедиктовны и Алисы Альбертовны Отт, ходатайствовало о разрешении им выезда на родину, но при жизни Сталина это было невозможно. После его смерти с 1954 года началась многолетняя борьба за освобождение Алисы Бенедиктовны из лагеря с последующей реабилитацией. Несмотря на заключение врачебной комиссии, что «она — инвалид, самостоятельно двигаться не может», Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, в 1954 году отказала ей в реабилитации и оставила в силе приговор.

В марте 1957 года на ее повторные заявления и обращения французского посольства она опять получила отказ. В июле 1957 года на заявление с просьбой о реабилитации погибшего в лагере мужа, Альберта Альбертовича Отта, она получила положительный ответ. В этом же году постепенно были реабилитированы все женщины, "свидетельницы" по делу, давшие теперь совсем другие показания на нее.

И только серьезное разбирательство в связи с просьбой о реабилитации основного свидетеля по делу, показания которого погубили семью Отт, изменило положение и появилась возможность отменить все обвинения, а главное, показать его главную роль в фабрикации дела. Только в 1958 году Алиса Бенедиктовна была реабилитирована и смогла выбраться из лагеря; а главное, заняться судьбой своей дочери.

В одном из писем к МОЛОТОВУ она писала: **«по моему воспитанию и моему характеру я на низость не способна»**. Своей искалеченной жизнью, трагической судьбой дочери она подтвердила правдивость этих слов...